БЕЗГРАНИЧНА МИЛОСТЬ

РУССКАГО ЦАРЯ.

Прощеніе дарованное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ перебѣжчикамъ — русскимъ солдатамъ — и возвращеніе ихъ изъ Персіи обратно въ Россію.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Р. Голике, Спасская улица, 17.
1902.

Богданович, Евгений Васильевич.
X

БЕЗГРАНИЧНА МИЛОСТЬ

РУССКАГО ЦАРЯ.

Прощеніе дарованное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ перебѣжчикамъ—русскимъ солдатамъ—и возвращеніе ихъ изъ Персіи обратно въ Россію.

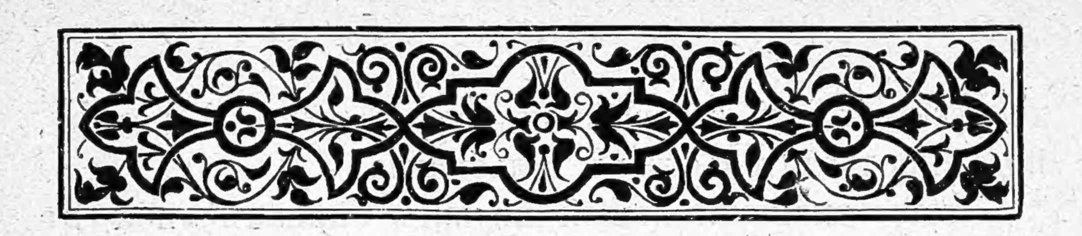
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Р. Голике, Спасская улица, 17.
1902

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Марта 1902 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Отъ издателя.

Примѣры мужества и самоотверженія передовыхъ людей, водившихъ за собой цѣлыя арміи и народы, служили всегда къ назиданію потомства, воодушевляя и вдохновляя его подвигами этихъ героевъ, не щадившихъ даже своей жизни для общаго блага, за вѣру, Царя и Отечество. Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что нерѣдко благородное, живое слово, проникавшее изъ устъ героевъ, какъ божественная искра, въ сердца ихъ слушателей, совершало чудеса. Недавно еще мы праздновали геройскіе подвиги нашего знаменитаго полководца, Суворова, который при личной храбрости обладалъ могучей силой слова и этой силой увлекалъ своихъ сподвижниковъ на подвиги, создавшіе имъ заслуженное имя чудо-богатырей.

Къ числу героевъ, имѣвшихъ этотъ чудный даръ— словомъ зажигать сердца, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, также одинъ изъ доблестнѣйшихъ дѣятелей нашихъ на Востокѣ, Левъ Львовичъ Альбрандъ, со времени кончины котораго минуло недавно 50 лѣтъ. Онъ извѣстенъ своими подвигами какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ на Кавказѣ, такъ и, въ особенности, въ дѣлѣ переселенія въ Россію изъ Персіи нашихъ солдатъ (дезертировъ), остававшихся тамъ

десятки лѣтъ и возвратившихся обратно на родину, подъ предводительствомъ Альбранда.

Этотъ знаменательный подвигъ описанъ мной въ настоящей брошюрѣ, на основанiи офицiальныхъ источниковъ и переписки, сохранившейся въ семейномъ архивѣ Альбранда, моего дяди, родного брата моей матери *).

Изъ этого описанiя читатель увидитъ, какое умѣнье, сколько мужества было необходимо Альбранду чтобы спасти нашихъ солдатъ, отдавшихся подъ мусульманское иго, и какъ глубока въ нашемъ народѣ вѣра православная и беззавѣтная преданность Царю и Отечеству.—Эти священныя чувства, не могли заглушить у нашихъ несчастныхъ дезертировъ ни долгiе годы отчужденiя отъ отчизны, ни соблазны, какими была окружена ихъ жизнь на чужбинѣ. Толчекъ для проявленiя этихъ чувствъ и далъ имъ «пылкiй, благородный, вѣчно восторженный и до сумасшествiя храбрый» Альбрандъ (отзывъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, барона Розена), явившiйся къ нимъ не съ холоднымъ мечемъ въ рукахъ, а съ горячимъ, искреннимъ словомъ, этимъ великимъ даромъ Божiимъ, нашедшимъ достойное себѣ назначенiе въ спасенiи заблудшихъ сыновъ святой Руси.

Для характеристики личности Альбранда, которому было поручено описываемое здѣсь деликатное

---

*) Упоминаемая здѣсь переписка состоитъ изъ писемъ Л. Л. Альбранда къ роднымъ и относится къ 1845 году, послѣднему перiоду его героической жизни, преждевременно угасшей отъ полученной имъ подъ Урдали (14 iюля 1845 года) тяжкой раны, лишившей его правой руки до плеча. Эта переписка ярко рисуетъ симпатичнѣйшую личность Альбранда и, служа иллюстрацiей къ его неутомимой дѣятельности могла бы быть предметомъ особаго очень интереснаго изданiя.

Генералъ-Маіоръ Л. Л. Альбрандъ.

и отвѣтственное дѣло, привожу нѣкоторыя свѣдѣнія изъ его жизни.

Левъ Львовичъ Альбрандъ родился въ 1805 году и образованіе получилъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Отецъ его эмигрировалъ изъ Франціи (Дофинэ) вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье и другими сопровождавшими Ришелье французами, оказавшими ему много содѣйствія, при основаніи города Одессы, столѣтіе котораго недавно праздновалось.

Альбрандъ былъ женатъ на дочери генерала Липгарта, имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей: дочь, Анну Львовну, нынѣ вдова полковника Смиттенъ, и сына, Николая Львовича, воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ. Сынъ служилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку до чина полковника, былъ любимъ сослуживцами-товарищами и былъ извѣстенъ, какъ замѣчательный знатокъ музыки, скончался 25-ти лѣтъ. Сохранилось преданіе о томъ, что Императоръ Николай Павловичъ, во время своего посѣщенія Пажескаго корпуса въ 1854 г., вызвалъ его и сказалъ: «слѣдуй по стопамъ твоего храбраго отца и героя, Я любилъ его».

Левъ Львовичъ Альбрандъ состоялъ первоначально на гражданской службѣ, вступивъ въ нее въ 1819 году, 14 лѣтъ отъ роду, а въ 1832 году, находясь въ сраженіи съ кавказскими горцами, въ неприступной мѣстности Гимри и получивъ раны пулями въ грудь, плечо и ноги, былъ переименованъ въ штабсъ-капитаны.

Къ этому времени относится его стихотвореніе, приведенное въ запискахъ барона Розена. Не лишнимъ считаю привести здѣсь начало этого произведенія, исполненнаго воинственнаго духа, которымъ отличался Альбрандъ всю свою жизнь.

„Не помнишь ли, товарищъ славной брани,
Когда мы шли, неся и смерть, и страхъ,
Когда ударъ могучей русской длани,
Вздрогнувъ, позналъ нашъ непокорный врагъ?
Когда дрожа со страхомъ передъ нами,
Свободы знамя горецъ преклонилъ,
Когда у насъ, горючими слезами,
Какъ робкій рабъ, пощады онъ просилъ..."

Военная служба Альбранда прошла на Кавказѣ, гдѣ, между прочимъ, и было возложено на него въ 1838 году описываемое въ этой брошюрѣ порученіе вернуть изъ Персіи нашихъ перебѣжчиковъ. По окончаніи этого блестяще исполненнаго дѣла, ему пришлось снова сражаться съ горцами. Впослѣдствіи, въ 1841 году, Альбрандъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ оставался до 1845 года, а въ этомъ году, въ чинѣ полковника, назначенъ вновь на Кавказъ. Здѣсь онъ снова отличился геройскими подвигами, особенно у деревни Урдали, получивъ тяжелую рану въ правую руку, которую пришлось отнять. Оправившись отъ раны, въ 1846 году, Альбрандъ назначенъ отряднымъ начальникомъ штаба во главѣ экспедиціи по постройкѣ укрѣпленій Ачхоя. За сооруженіе этихъ укрѣпленій, среди непріятельскихъ дѣйствій, Альбрандъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Въ 1847 году онъ былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія черноморской береговой линіи. Здѣсь ему предстояло имѣть дѣло съ еще болѣе страшнымъ врагомъ—холерой, косившей войска и населеніе на восточномъ берегу Чернаго моря. Прибывъ на мѣсто, въ Геленджикъ, Альбрандъ съ самоотверженіемъ посѣщалъ больныхъ, успокаивалъ, утѣшалъ ихъ, подавалъ имъ самъ лѣкарства, теръ ихъ холодѣвшія руки и ноги. Во время такого ухода за больными Альбрандъ однажды самъ заразился: голова закружилась, колѣни

затряслись и могильный холодъ охватилъ его руку и ноги. Выйдя немедленно изъ госпиталя, онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ, а послѣ двухъ-часовой необыкновенно быстрой ѣзды, оправился и на другой же день приступилъ къ своей столь плодотворной административно-врачебной дѣятельности.

По минованіи эпидеміи Альбрандъ пожелалъ завязать непосредственныя личныя сношенія съ горцами, чтобы убѣдить ихъ въ благихъ намѣреніяхъ нашего правительства и тѣмъ разсѣять всякія по этому предмету сомнѣнія. Съ этою цѣлью, уже на **42** году жизни, онъ сталъ изучать мѣстный языкъ, который, по шипящимъ звукамъ и грубому произношенію, оказался несравненно труднѣе европейскихъ языковъ, многіе изъ которыхъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Вскорѣ Альбрандъ достигъ цѣли и сталъ свободно объясняться съ горцами на ихъ языкѣ.

Но тяжкія раны не позволяли ему заняться основательно такимъ симпатичнымъ и полезнымъ дѣломъ. Послѣ операціи надъ его правой рукой, плечевая кость стала опускаться и производила нестерпимыя страданія, которыя усиливались особенно во время поѣздокъ. Поэтому осенью **1847** года онъ ѣздилъ въ Керчь для совѣщаній съ знаменитымъ хирургомъ Пироговымъ, который, однако, ничѣмъ не могъ помочь, а совѣтовалъ оставить службу на Кавказѣ и поселиться въ Петербургѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Но здѣсь онъ оставался не долго и въ **1849** г. былъ переведенъ вновь на Кавказъ, по его желанію, Эриванскимъ губернаторомъ. На пути изъ Тифлиса въ Эривань, Альбрандъ простудился и больной въѣхалъ въ свою новую резиденцію, а въ самый день въѣзда въ Эривань случилось обстоятельство, причинившее ему смерть. Среди

встрѣчавшаго его населенія, подошла къ нему какая-то здоровенная женщина подала ему прошеніе и когда Альбрандъ сказалъ ей: будетъ сдѣлано все, что возможно, она въ порывѣ благодарности обняла его обѣими руками за плечи, на правой сторонѣ которыхъ выдавались кости, и такъ стиснула ихъ, что съ нимъ сдѣлался обморокъ и онъ вскорѣ скончался, 12 декабря 1849 г., и похороненъ въ Эривани.

Эти біографическія свѣдѣнія о моемъ покойномъ дядѣ позволю себѣ освѣтить справедливымъ отзывомъ полковника гвардіи Новоселова въ издававшихся имъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1858 г. «Кавказцахъ», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Генералъ-маіоръ Левъ Львовичъ Альбрандъ».

«Это былъ», сказано въ упомянутомъ изданіи, «человѣкъ весьма религіозный, преданный всею душой Царю и Отечеству, рѣдкій семьянинъ, безгранично привязанный къ женѣ и дѣтямъ, любимый и уважаемый знакомыми, начальниками, сослуживцами и подчиненными. Онъ отличался замѣчательною честностью и, несмотря на нѣсколько вспыльчивый характеръ, удивительною добротою души: сострадательность его къ бѣднымъ простиралась до того, что онъ, въ буквальномъ смыслѣ, раздѣлялъ съ ними послѣднюю копѣйку»...

Не менѣе справедливою характеристикой кипучей дѣятельности Альбранда можетъ служить официальное донесеніе знаменитаго администратора и полководца, свѣтлѣйшаго князя Воронцова, бывшаго намѣстника кавказскаго.

«Генералъ-маіоръ Альбрандъ», писалъ этотъ мудрый правитель края, «*есть самый усердный слуга Государевъ*». Онъ доказалъ это и въ мирѣ и въ войнѣ. Гдѣ

дѣло идетъ о пользахъ службы, тамъ онъ всегда примѣрный и истинный ревнитель ея... Что же касается до солдатъ, то они любятъ генерала Альбранда, какъ отца своего; каждый пріѣздъ его есть для нихъ отрада: никто не имѣетъ болѣе искренняго попеченія о ихъ нуждахъ; никто не можетъ такъ внушить имъ доброй нравственности и пламеннаго усердія къ службѣ царской».

Такова была свѣтлая личность Льва Львовича Альбранда, про котораго можно смѣло сказать, что это былъ по-истинѣ «рыцарь безъ страха и упрека». Дай Богъ, чтобы не изсякъ никогда на плодородной нивѣ нашей святой Руси тотъ обильный источникъ, который даетъ такихъ доблестныхъ сѣятелей добра, такихъ честныхъ и самоотверженно преданныхъ слугъ Царя и Отечества!

Вспоминая одинъ изъ безчисленныхъ подвиговъ Альбранда, а именно сооруженіе имъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, укрѣпленій Ачхоя, нельзя не вспомнить незабвеннаго дня 26 октября 1850 года, когда подъ этими же укрѣпленіями былъ совершенъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ то время Наслѣдникомъ престола, геройскій подвигъ, увѣнчанный Георгіевскимъ крестомъ. Событіе это было описано мной въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 26 ноября 1875 года. Думаю, что прилагаемая къ настоящей брошюрѣ эта моя статья изъ «Русскаго Инвалида» и теперь прочтется съ живымъ интересомъ, дополняя характеристику этого истинно «добраго стараго времени», къ которому относятся разсказываемыя въ брошюрѣ событія.

Е. Богдановичъ.

Переселеніе перебѣжчиковъ русскихъ солдатъ изъ Персіи обратно въ Россію.

Гдѣ бы только не перебывалъ нашъ русскій воинъ, куда бы онъ не заносилъ своего побѣдоноснаго меча за Вѣру, Царя и Отечество, вездѣ онъ стоялъ на высотѣ своего призванія. Одинъ лишь прискорбный случай омрачилъ было его славу, но и въ этомъ случаѣ, хотя и послѣ долгихъ лѣтъ, онъ смылъ пятно достойнымъ образомъ, доказавъ еще разъ, что русскій воинъ, въ какихъ бы тяжелыхъ условіяхъ ни находился, какой бы гнетъ ни лежалъ на немъ, остается вѣренъ священному долгу.

Описываемое здѣсь дѣло, въ которомъ такъ блистательно выразился доблестный духъ нашего воина и въ которомъ такъ отличился Левъ Львовичъ Альбрандъ, заключается въ слѣдующемъ.

Многимъ, конечно, извѣстно, что послѣ добровольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, наши Цари были озабочены умиротвореніемъ всего кавказскаго края, страдавшаго отъ набѣговъ и нашествій на мирное христіанское населеніе Грузіи со стороны окружавшихъ ее мусульманскихъ горцевъ, ни за что не желавшихъ подчиниться русской власти. Много было пролито русской крови, много затратъ стоило покореніе этихъ горцевъ, съ небольшими силами оборонявшихся отъ нашихъ войскъ

въ неприступныхъ горахъ. Много непреодолимыхъ препятствій встрѣчали мы въ этомъ дѣлѣ, а еще больше труда положилъ на него нашъ русскій воинъ, пока не пала буйная голова чеченца предъ безстрашнымъ русскимъ воиномъ. Но не даромъ досталась ему эта побѣда.

Какъ ни неуязвимъ нашъ воинъ, но онъ, прежде всего, человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо. И вотъ, во время нашихъ битвъ съ чеченцами, случился съ нимъ великій грѣхъ. Съ одной стороны, чрезмѣрная трудность военныхъ походовъ противъ кавказскихъ горцевъ, а съ другой,—разные проступки, совершенныя нѣкоторыми нашими солдатами и ожидавшія ихъ за это наказанія побудили ихъ, позабывъ священный долгъ предъ отечествомъ, бѣжать въ сосѣднюю съ нашимъ государствомъ Персію, гдѣ они сошлись съ военно-плѣнными, взятыми персіянами въ послѣднюю войну съ нами и не пожелавшими, послѣ заключенія мира въ 1828 году, вернуться въ Россію.

Въ Персіи нашихъ солдатъ приняли съ распростертыми объятіями, обласкали и окружили почетомъ, а одинъ изъ перебѣжчиковъ, вахтеръ нижегородскаго драгунскаго полка Самсонъ Маклинцевъ, былъ даже пожалованъ въ ханы и генералы. Этотъ перебѣжчикъ, одаренный отъ природы недюжиннымъ умомъ и энергіей, образовалъ изъ своихъ товарищей образцовый баталіонъ, которому было присвоено названіе гренадерскаго и который охранялъ шахскій дворецъ. Шахъ Магомедъ былъ много обязанъ баталіону своимъ утвержденіемъ на престолѣ, которымъ старался овладѣть его дядя. Перебѣжчики оставались долго въ Персіи, а многіе изъ нихъ даже болѣе тридцати лѣтъ, перешли въ мусульманство, женились на мусульманкахъ и имѣли дѣтей.

Баталіонъ первоначально состоялъ изъ 1400 человѣкъ, но послѣ холеры 1830 г., значительно уменьшился и въ 1838 г. въ немъ насчитывалось всего 500 человѣкъ.

Укрывательство нашихъ солдатъ въ Персіи имѣло вредное вліяніе на нравственность кавказскихъ войскъ, въ особенности пограничныхъ. Обстоятельство это, да и самая измѣна солдатъ не могли не обратить на себя отеческаго вниманія Императора Николая Павловича, который, цѣня доблестное служеніе русскаго воинства Престолу и Отечеству и дорожа его честью, пожелалъ спасти бѣжавшихъ въ Персію солдатъ отъ позора, за исключеніемъ тѣхъ, которые совершили убійства, и повелѣлъ принять необходимыя для этого мѣры; причемъ, зная лучше, чѣмъ кто-либо доброе и отзывчивое сердце нашего солдата, Государь даровалъ перебѣжчикамъ прощеніе, чтобы они охотнѣе возвратились въ Россію.

Воля Императора была сообщена Магомедъ-шаху, который согласился отпустить нашихъ перебѣжчиковъ. Въ это время они находились вмѣстѣ съ шахомъ и его войсками подъ Гератомъ. Переселеніе ихъ было отложено до окончанія войны персіянъ съ афганцами, а между тѣмъ нашимъ правительствомъ были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія.

Главный вопросъ состоялъ въ выборѣ достойнаго лица, которое могло бы воздѣйствовать на бѣглецовъ нравственной силой, какъ того желалъ Государь, вызвать въ нихъ вновь любовь къ родинѣ, къ Царю и къ святой вѣрѣ. По сношенію нашего посланника съ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, для приведенія въ исполненіе воли Государя, былъ назначенъ состоявшій при штабѣ корпуса капитанъ Альбрандъ, который и принялъ возложенное на него по-

ученіе съ полной готовностью, какъ по долгу службы, такъ и изъ личнаго сочувствія къ такому истинно христіанскому и патріотическому дѣлу.

Первый шагъ Альбранда, отличавшагося восторженною религіозностью, ознаменовался необыкновеннымъ явленіемъ, какъ бы небеснымъ благословеніемъ на предстоявшій ему подвигъ.

Продолжительный періодъ времени, въ теченіе котораго наши солдаты оставались въ Персіи, произвелъ на нихъ, конечно, крайне вредное вліяніе: если нѣкоторые изъ нихъ тогда же пожелали возвратиться добровольно на родину, то другіе объ этомъ и слышать не хотѣли. Часть перебѣжчиковъ въ составѣ баталіона оставалась въ Тегеранѣ, а часть была собрана подъ Тавризомъ, въ мѣстности Уржанъ, куда и направился Альбрандъ 13-го августа 1838 года. Онъ засталъ нашихъ солдатъ въ ужасномъ видѣ, у него сердце облилось кровью, когда онъ подошелъ къ нимъ. Въ первое время онъ даже сомнѣвался въ томъ, они-ли прежніе русскіе доблестные воины, они-ли его прежніе единовѣрцы и соотечественники. Предъ нимъ стояла толпа людей длинно-волосыхъ, съ небритыми бородами, въ безобразной одеждѣ, на лицахъ у нихъ выражалось звѣрское озлобленіе, съ которымъ они смотрѣли на Царскаго посланца; по всему видно было, что люди эти готовятся на что-то ужасное.

Какъ ни тяжело было Альбранду вступить въ сношеніе съ такою разнузданною толпой, но, воодушевленный глубокимъ сознаніемъ святости принятаго имъ на себя дѣла — спасти своихъ несчастныхъ собратьевъ отъ гибели и позора: онъ, съ болью въ сердцѣ, обратился къ нимъ съ словами: «Здорово ребята, здорово русскіе?» Но солдаты ничего не отвѣтили и

только смотрѣли на него со злостью. Тогда Альбрандъ сказалъ имъ: «Богу и Государю нашему — Русскому Государю—угодно, чтобы вы возвратились въ свое отечество. Я присланъ вывести васъ изъ Персіи, спасти васъ отъ гибели, вы гибнете? Призывая васъ къ долгу чести и присяги, я исполняю этимъ дѣло, Богу и Царю угодное». При этихъ словахъ одинъ изъ солдатъ бросился на Альбранда съ кинжаломъ въ рукахъ и нанесъ ему ударъ въ грудь. Тутъ совершилось на глазахъ всѣхъ великое чудо: кинжалъ попалъ Альбранду въ грудь, на натѣльный большой металлическій образъ, которымъ благословила его сестра, моя мать, и съ которымъ онъ никогда не разставался. Альбрандъ былъ спасенъ отъ неминуемой смерти. Этотъ случай произвелъ на всѣхъ присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе, всѣ какъ бы застыли на мѣстѣ... Воспользовавшись этимъ торжественнымъ моментомъ, Альбрандъ раскрылъ предъ толпой свою израненную въ прежнихъ бояхъ грудь и воскликнулъ «Я не страшусь смерти». Долго и горячо говорилъ онъ затѣмъ о славѣ служить отчизнѣ и своему Царю и безславіи служить чужому. «Ребята, говорилъ Альбрандъ, примите всемилостивѣйшее прощеніе, дарованное вамъ великимъ Государемъ нашимъ, какъ даръ Божій, спѣшите возвратиться на Русь святую, спѣшите стереть свое постыдное пятно; родина васъ приметъ радушно, какъ вѣрныхъ дѣтей, раскаявшихся въ своемъ заблужденіи; идите, иначе, она отвергнетъ васъ, какъ ненавистныхъ Богу чадъ и васъ постигнетъ гнѣвъ небесный; идите, я приму васъ, какъ братьевъ и отведу на святую Русь».

Эти слова имѣли благотворныя послѣдствія. Хотя перебѣжчики все еще колебались, но уже перестали смотрѣть на Альбранда съ ненавистью, а многіе изъ

нихъ надвинули шапки на глаза, чтобы не встрѣчать его взглядовъ, а нѣкоторые изъявили искреннее желаніе возвратиться въ Россію. Это обстоятельство вновь вызвало фанатизмъ въ толпѣ, вновь кинулись-было на Альбранда, но онъ ихъ опять обезоружилъ своею твердостью и безстрашіемъ. Бунтовщиковъ арестовали, а согласившихся переселиться Альбрандъ принялъ въ свое вѣдѣніе, но и арестантовъ онъ не оставлялъ безъ своего попеченія. Посѣщая ихъ одинъ въ крѣпости, безъ провожатыхъ, онъ взывалъ къ ихъ сердцу, стараясь пробудить въ нихъ добрыя чувства, смягчая, такимъ образомъ, постепенно ихъ огрубѣвшій нравъ.

Вскорѣ наступилъ высокоторжественный день священнаго коронованія Государя Императора, 22-е августа. Въ этотъ день Альбрандъ устроилъ для перебѣжчиковъ большой праздникъ, распорядился приготовить для нихъ обѣдъ, на который пригласилъ и всѣхъ находившихся въ Тавризѣ русскихъ чиновниковъ и купцовъ. На этомъ обѣдѣ Альбрандъ обратился къ солдатамъ съ восторженною рѣчью, говоря имъ о величіи и могуществѣ Россіи, о добротѣ Царя, даровавшаго имъ прощеніе. Послѣ его словъ: «Богъ и Царь простили васъ, вы опять наши братья», многіе пали на колѣни со слезами и всѣ кричали «ура». Альбрандъ особенно отличилъ въ этотъ день, посадивъ около себя за столомъ двухъ перебѣжчиковъ: Егора Яковлева и Лукьяна Фокова, которые первые изъявили желаніе возвратиться въ Россію. Воодушевленные добрымъ чувствомъ, многіе поклялись въ вѣрности Царю и Отечеству.

Впослѣдствіи выяснилось, что главнѣйшая причина, по которой перебѣжчики упорствовали покинуть Персію, заключалась въ томъ, что имъ тяжело было разстаться съ семействами, въ чемъ сказалась также ис-

кони свойственная русскому человѣку привязанность къ семейному очагу. Альбрандъ и здѣсь оказалъ имъ содѣйствіе, облегчивъ переселеніе женъ и дѣтей. Умилительную картину представляли сборы ихъ на обратный путь на родину. Привѣтствуя ихъ, Альбрандъ выражалъ свою радость по случаю ожидающаго ихъ счастія видѣть святую Русь, упрекая ихъ при этомъ, что они напрасно его мучили раньше упорствомъ. Они пали на колѣни и плакали. Эта картина завершилась трогательною сценой. Одинъ изъ болѣе упорныхъ перебѣжчиковъ Фрикинъ, къ которому Альбрандъ неоднократно обращался съ увѣщаніями, бросился на колѣни со словами: «Мы виноваты предъ Богомъ и Царемъ, мы виноваты и предъ вами, знаемъ, что нашимъ упорствомъ мы васъ мучили, простите насъ...» Въ это же время ворвались къ Альбранду выпущенные только-что изъ крѣпости два перебѣжчика: Ѳедоръ Михайловъ и Дорофей Борщовъ, которые возмущали прочихъ съ самаго начала и которыхъ Альбрандъ не желалъ принять въ свое вѣдѣніе. Ставъ передъ нимъ на колѣни, они горько раскаявались въ своихъ проступкахъ и просили прощенія.

Альбранду предстояло затѣмъ принять и отправить другую часть баталіона, оставшуюся въ Тегеранѣ, куда и вызывалъ его нашъ посланникъ. Поручивъ тавризскую партію перебѣжчиковъ другому лицу, Альбрандъ направился въ Тегеранъ. Изъ Тавриза было отправлено перебѣжчиковъ съ женами и дѣтьми всего 327 душъ.

Альбранда сопровождали въ Тегеранъ названные выше перебѣжчики Михайловъ и Борщовъ, которые теперь въ немъ души не чаяли. Подъѣзжая къ Тегерану, Альбрандъ увидѣлъ персидскія войска, стоявшія лагеремъ, по возвращеніи изъ-подъ Герата. Въ лагерѣ

находилась и часть баталіона изъ нашихъ солдатъ-перебѣжчиковъ. Съ ними Альбранду пришлось имѣть еще больше затрудненій. Они на отрѣзъ отказывались переселиться въ Россію, слѣпо повинуясь Самсонъ-хану, организатору баталіона, и находясь подъ вліяніемъ англичанъ, этихъ вѣчныхъ нашихъ недоброжелателей, а также состоявшихъ въ баталіонѣ, въ числѣ перебѣжчиковъ, нѣсколькихъ поляковъ, пользовавшихся большимъ значеніемъ въ баталіонѣ.

Альбрандъ, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе относительно возложеннаго на него порученія, 13 ноября 1838 г. далъ «приказъ дезертирамъ нашимъ въ Персіи», въ которомъ онъ объявлялъ:

«Государь Императоръ, любя храбрыхъ воиновъ своихъ, какъ родныхъ дѣтей, пріѣзжалъ въ прошломъ году на Кавказъ, чтобы узнать нужды солдатъ,—братьевъ вашихъ — служащихъ Богу и Отечеству вѣрою и правдою. Милосердый Государь не забылъ и васъ, бѣжавшихъ отъ своихъ знаменъ, влачащихъ безславную жизнь въ Персіи, краѣ чуждомъ по вѣрѣ и обычаямъ, гдѣ у васъ нѣтъ ни матери, ни брата, гдѣ вы гибнете, какъ Богомъ отверженные люди. Благословенный нашъ Государь, въ неизрѣченномъ милосердіи Своемъ, даровалъ вамъ полное и совершенное Всемилостивѣйшее прощеніе, потребовавъ отъ персидскаго шаха, чтобы онъ Ему отдалъ васъ. Шахъ согласился, и персіяне намъ выдаютъ васъ. Объявляя вамъ о дарованномъ Всемилостивѣйшемъ всепрощеніи, зову съ собою тѣхъ изъ васъ, ребята, которые, сохранивъ вѣру въ Бога и любовь къ благословенному Государю нашему, примутъ Его милосердіе, какъ даръ Бога. Съ твердымъ упованіемъ на великое Царское слово, придите ребята! Я, израненный въ бояхъ, товарищъ вашъ, пріиму васъ,

какъ братьевъ и съ заботою отца отведу на Русь святую, гдѣ васъ ожидаетъ милосердіе и прощеніе, гдѣ кровные ваши. Но тѣ изъ васъ, которые утратили вѣру въ Бога и любовь къ славному, всѣми благословляемому Государю нашему, отвергаютъ милосердіе Его, тѣ нечестивые злодѣи, пусть не являются ко мнѣ: Персіяне ихъ силою доставятъ въ границы наши и тамъ, вмѣсто милосердія и прощенія, постигнетъ ихъ заслуженная казнь: родина отвергаетъ ихъ, какъ Богу ненавистныхъ чадъ, и, какъ говоритъ Священное Писаніе: «возвратятся грѣшницы во адъ, вся языцы забывающіи Бога!» «Ребята! я 17 лѣтъ служу Богу и Отечеству вѣрою и правдою, я пролилъ мою кровь за родину святую, я братъ вашъ по сердцу и, какъ братьевъ моихъ, прошу васъ не накликать на себя гнѣва Царскаго отверженіемъ Его милосердія, но принять Его прощеніе за побѣгъ и прежніе поступки, какъ даръ Бога. Не вѣрьте, ребята! тѣмъ безбожнымъ злодѣямъ, которые совращаютъ васъ; они безъ сожалѣнія будутъ смотрѣть на вашу гибель, когда милосердый Государь, во гнѣвѣ своемъ, потребуетъ васъ силою оружія, и когда вмѣсто прощенія, вы получите наказаніе. Не думайте укрыться побѣгомъ: на днѣ Персіи и Турціи отыщу васъ и силою возьму въ Россію. Шахъ Персидскій и султанъ Турецкій дали слово нашему Государю отнюдь не держать васъ у себя на службѣ и выдавать васъ;—знайте это».

Но приведенный выше приказъ первоначально не произвелъ никакого дѣйствія на перебѣжчиковъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, къ Альбранду явились нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ какой-то угрюмый старикъ. Какъ ни увѣщевалъ ихъ Альбрандъ, они были непреклонны, а старикъ высказалъ ему: «Ты пришелъ

сюда, чтобъ сладкою рѣчью заманить насъ, знай же, что не сдобровать тебѣ у насъ» и съ этими словами взялся за рукоять кинжала. Больно было Альбранду видѣть такое заблужденіе русскихъ солдатъ, слезы душили его, но нашъ «до сумашествія храбрый герой» подошелъ къ старику, распахнулъ свою грудь, и сказалъ ему: «Старикъ, ты вздумалъ стращать меня, ты думаешь, что мнѣ дорога жизнь, которою я не разъ жертвовалъ въ честномъ бою? Такъ вотъ тебѣ моя грудь, пронзи ее, но умирая, я заклеймлю тебя проклятіемъ за то, что ты отступилъ отъ своей вѣры, забывъ Царя и святую родину. Рѣчи твои не отъ Бога, а отъ сатаны, который губитъ тебя». Эти слова сильно подѣйствовали на перебѣжчиковъ, старикъ заплакалъ, палъ къ ногамъ Альбранда и долго долго рыдалъ и не могъ выговорить ни слова; наконецъ онъ промолвилъ: «прости или зарѣжь меня». Какъ ни старался Альбрандъ вырваться изъ его рукъ, никакъ не могъ. Самъ онъ былъ растроганъ до слезъ, наконецъ, наклонился къ старику, положилъ ему руки на голову и простилъ. Слѣдуя примѣру старика, и прочіе пришедшіе съ нимъ перебѣжчики бросились къ Альбранду, цѣловали его руки и умоляли взять ихъ съ собой на родину.

Между тѣмъ остальные перебѣжчики все еще не сдавались. Особенныя же затрудненія Альбрандъ встрѣчалъ со стороны Самсонъ-хана, котораго солдаты во всемъ слушались. Альбрандъ счелъ необходимымъ обратиться съ письмомъ къ Самсонъ-хану, но не получивъ отвѣта, пошелъ самъ къ нему. Самсонъ-ханъ вышелъ къ нему со свитой и надменно усѣвшись на диванъ, не отвѣтилъ даже на привѣтствіе Альбранда. Онъ былъ уже пожилой, но здоровый мужчина, прожилъ онъ въ Персіи 33 года, былъ богатъ и знатенъ.

Несмотря на всѣ окружавшія его выгодныя условія жизни, Самсонъ-ханъ былъ вѣренъ своей церкви и рискуя даже навлечь на себя ярость персіянъ, соорудилъ въ одной изъ своихъ деревень православный храмъ съ золотымъ куполомъ, показавъ этимъ, чѣмъ именно велика и величественна мощь русскаго народа, предъ которою всѣ преклоняются. Дай-то Богъ намъ всегда этой мощи на славу церкви православной и нашего обожаемаго Царя и святой Руси!

Въ разговорѣ съ Самсонъ-ханомъ Альбрандъ напоминалъ ему о величіи Россіи, о вѣрноподданнической присягѣ, о вѣрѣ отцовъ, о томъ, какой тяжкій грѣхъ измѣнить имъ и какая кара Божія ожидаетъ его за это предъ страшнымъ судомъ; причемъ, замѣтивъ, что главная причина, по которой онъ не желаетъ вернуться на родину, заключается въ матеріальныхъ интересахъ, которыми онъ связанъ съ Персіей, Альбрандъ объявилъ ему, что Государь простилъ и не желаетъ карать ни его, ни его зятя, Скрыплева (бѣжавшій изъ Россіи прапорщикъ) и они могутъ остаться въ Персіи, но совѣтовалъ оставаться въ душѣ русскими и служить интересамъ Россіи и помочь вывести прочихъ перебѣжчиковъ, обѣщавъ за это покровительство нашего правительства.

Доброе, сердечное обращеніе Альбранда окончательно обезоружило Самсонъ-хана, который вставъ и пожавъ его руку, сказалъ: «Изъ вашихъ словъ вижу, что вы человѣкъ богобоязненный и не желаете несчастія людямъ, но скажу вамъ откровенно, что ни я, ни зять мой ни за что не пойдемъ въ Россію; здѣсь мы пользуемся славой, тамъ насъ ожидаетъ позоръ за наше преступленіе, которое мы ничѣмъ не можемъ искупить. Я тяжко виновенъ предъ Богомъ и Госу-

даремъ и считаю себя несчастнымъ, что не могу возвратиться въ отечество, видѣть мою родину. Вы говорите, что я не русскій, но Россію, родину я ношу въ моемъ сердцѣ, я плачу по ней. Священное писаніе говоритъ: «всему положенъ предѣлъ, его же не прейдешь». И вѣрно мнѣ суждено умереть въ слезахъ, оплакивая свое преступленіе, утрату родины. Я пойду въ Іерусалимъ и тамъ въ раскаяніи кончу дни. Но я хочу быть полезнымъ Государю и Отечеству, но не могу сдѣлать открыто, шахъ погубитъ меня. Съ завтрашняго дня я слягу въ постель и не буду вмѣшиваться ни во что, сдѣлайте, какъ знаете, я ни кого отговаривать не буду. Просите Бога, чтобы Онъ помогъ вамъ, безъ Него вы не управитесь съ перебѣжчиками, они люди буйные и безпокойные, берегитесь».

Устранивъ, такимъ образомъ, главнѣйшее препятствіе, Альбрандъ сталъ теперь воздѣйствовать на баталіонъ, сталъ сближаться съ перебѣжчиками, дружился съ ними, пировалъ, устроилъ хоръ пѣсенниковъ, который услаждалъ слухъ русскихъ людей родными пѣснями. Съ поляками Альбрандъ также сошелся, и они вносили въ баталіонъ веселый духъ.

Число раскаявшихся и желавшихъ вернутся въ Россію съ каждымъ днемъ увеличивалось и почти весь баталіонъ (болѣе 400 человѣкъ) былъ въ сборѣ. Но не всѣ солдаты были надежны, поэтому за ними былъ строгій надзоръ, чтобы въ нихъ не проникъ вновь духъ непокорности, который иногда проявлялся въ нѣкоторыхъ перебѣжчикахъ. Такъ, одинъ изъ нихъ даже позволилъ себѣ въ присутствіи Альбранда ужасную дерзость. «Злодѣй, вскричалъ Альбрандъ, ты не русскій, ты не нашъ братъ. Тебѣ, какъ звѣрю, нужно крови, нà грудь мою, разорви ее, но не трогай нашей

святыни. Убей меня, прибавилъ онъ, указывая на камень, лежавшій у его ногъ, убей и бѣги, похвастай шаху, что ты убилъ русскаго, присланнаго для спасенія твоихъ братьевъ, онъ тебѣ дастъ золото. Продай ему свою душу, чортъ ее выкупитъ и насмѣется надъ тобой. Чортъ ищетъ души проклятой; онъ выбралъ твою нечистую; онъ одурилъ тебя, для погибели твоей онъ заведетъ тебя въ безводныя степи Туркменіи и тамъ, когда твои братья на благословенной Руси будутъ благословлять Всевышняго, ты—голодный, сожженный зноемъ, будешь издыхать; еще сердце не остынетъ у тебя, какъ воронъ выклюетъ твои глаза, какъ чикалки станутъ раздирать тебя. Помни, злодѣй, мое страшное пророчество въ минуты ужасной гибели твоей!»

Дерзкій перебѣжчикъ обнялъ колѣни Альбранда, просилъ смерти или прощенія. Альбрандъ простилъ и съ этой минуты перебѣжчикъ сталъ образцомъ для другихъ.

Вскорѣ послѣ этого весь баталіонъ со всѣми семействами находился въ рукахъ Альбранда: 597 перебѣжчиковъ, 206 женъ и 280 дѣтей (?) всего 1083 души.

Оставалось перевести баталіонъ въ предѣлы Россіи. Для этого Альбрандъ избралъ высокоторжественный день тезоименитства Императора Николая Павловича, отдавъ наканунѣ 5 декабря 1838 г. «приказъ русскому баталіону, возвращающемуся изъ Персіи», установивъ этимъ порядокъ и дисциплину и назначивъ командировъ ротъ.

Въ приказѣ говорилось, между прочимъ:

«Ребята! принявъ радушно милосердіе нашего Великаго Государя Императора, даровавшаго вамъ полное и совершенное прощеніе за побѣгъ и прежніе

поступки, и возвращаясь добровольно въ славное свое Отечество, вы смыли съ себя пятно, вы сняли съ себя тяжкую вину, вы уже не дезертиры, но братья наши, покорные сыны Великаго Русскаго Царя. Обратитесь чистымъ сердцемъ къ Богу и Отечеству, молитесь за Царя и родину святую, исполняйте усердно обязанности свои, повинуйтесь начальству, бросьте нечестивые пороки,—Богъ и Царь васъ не оставятъ. Ребята! принимая васъ на руки, какъ братьевъ, я не перестану пещись о васъ съ заботою отца, я не перестану любить васъ, если вы будете усердно исполнять свою обязанность, не нарушите долга чести и совѣсти».

На другой день 6 декабря 1838 г., по распоряженію Альбранда, баталіонъ справлялъ этотъ великій для русскаго человѣка день, собравшись у алтаря, воздвигнутаго во дворѣ нашего посольства. Послѣ молебствія, совершеннаго священникомъ, посланникъ поздравлялъ баталіонъ, благодарилъ за усердіе, сказавъ имъ при этомъ, что раскаявшіеся и возвращающіеся на родину русскіе солдаты уже не перебѣжчики, а русскіе воины и что объ ихъ усердіи будетъ донесено Государю Императору. Эти слова привели баталіонъ въ восторгъ, крикамъ «ура!» не было конца; тоже повторялось при провозглашеніи тоста за здравіе Государя Императора. Жители Тегерана смотрѣли съ своихъ крышъ на эту величественную картину и дивились любви и преданности русскаго воинства Царю и Отечеству. Послѣ молебствія для баталіонныхъ офицеровъ былъ поставленъ обѣденный столъ, вокругъ котораго обѣдали солдаты. Веселье и радость выражались на лицахъ всѣхъ, музыка, пѣсни, танцы еще болѣе оживляли присутствовавшихъ.

На празднествѣ находился также бѣжавшій изъ

Россіи Скрыплевъ, прапорщикъ русской службы, а въ персидской—полковникъ и баталіонный командиръ, женатый на дочери Самсонъ-хана, который вмѣстѣ со своимъ тестемъ рѣшили остаться въ Персіи, какъ было сказано выше. Во время же всеобщаго радостнаго оживленія и разгара чувствъ, Скрыплевъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора. «Ты не смѣешь пить за здравіе нашего Царя, сказали ему прочіе офицеры, ты измѣнникъ, пей за здравіе твоего шаха». Съ поднятой рукой съ бокаломъ Скрыплевъ палъ на колѣни, цѣлуя руку Альбранда и землю и умоляя взять его въ Россію. Альбрандъ долго не соглашался, но по просьбѣ баталіона ему было позволено собственноручно вписать свою фамилію въ списокъ добровольно возвращавшихся въ Россію.

Послѣ этого было совершено молебствіе, на которомъ Альбрандъ со всѣмъ баталіономъ съ колѣнопреклоненіемъ горячо молились Богу за счастливый исходъ дѣла; священникъ, обходя ряды, кропилъ ихъ святою водой; Альбрандъ шелъ за нимъ, обращаясь при этомъ къ солдатамъ: «Въ путь, на Русь святую, ребята!» — «Да будетъ съ нами Богъ и милость Царская, идемъ, идемъ въ Россію», отвѣчали они.

Подъ утро Альбрандъ скомандовалъ на молитву, въ краткихъ словахъ еще разъ молилъ Бога о благословеніи на предстоявшій походъ и баталіонъ выступилъ. Онъ прибылъ въ Тифлисъ 5 марта 1839 года.

Такъ блистательно окончилъ возложенное на него порученіе Левъ Львовичъ Альбрандъ, положившій на него всю свою возвышенную душу и не знавшій ни минуты покоя до тѣхъ поръ, пока не исполнилъ воли Государя.

Батальонъ русскихъ дезертировъ, тридцать лѣтъ пробывшій въ Персіи, составлявшій охрану Персидскаго Шаха, возвращается въ Россію съ батальоннымъ командиромъ во главѣ, въ числѣ тысячи сто человѣкъ, съ женами и дѣтьми, увлеченный любовью къ Царю и Отечеству, пробужденною старшимъ адъютантомъ Кавказскаго корпуса, капитаномъ Львомъ Львовичемъ Альбрандомъ, который уводитъ этотъ батальонъ изъ Тегерана, управляя имъ лишь нравственною силою. Батальонъ вступаетъ въ Тавризъ 2-го Февраля 1839 года, гдѣ консулъ и другія русскія лица его встрѣчаютъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ

О ПУТЕШЕСТВІИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПО КАВКАЗУ

въ 1850 году.

(«**Русскій Инвалидъ**» № 259, отъ 26-го ноября 1875 г.).

Сегодня, 26-го ноября, русская армія празднуетъ кавалерскій день ордена св. Георгія побѣдоносца и вмѣстѣ 25-ти-лѣтній юбилей ордена, носимаго Государемъ Императоромъ. Событія, при которыхъ Царственная грудь Августѣйшаго Кавалера украсилась знаками св. Георгія, принадлежатъ уже исторіи, но, къ сожалѣнію, мало извѣстны внѣ кавказскихъ кружковъ стараго боеваго времени—кружковъ, съ каждымъ годомъ рѣдѣющихъ. Между тѣмъ, каждому русскому воину и не воину желательно бы знать возможно болѣе подробностей о знаменательномъ путешествіи, 25 лѣтъ назадъ, совершенномъ Государемъ Императоромъ, тогда еще Наслѣдникомъ Престола, вдоль и поперекъ всего Кавказа, и о тѣхъ памятныхъ дняхъ, наградою которыхъ для Его Величества былъ Георгіевскій крестъ.

Думаю, что я пойду на встрѣчу столь памятной и естественной любознательности всей русской читающей публики, представивъ хотя нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ изъ этой эпохи, собранныхъ мною частію по ука-

заніямъ очевидцевъ, а главнымъ образомъ, по сохранившимся у меня кавказскимъ письмамъ моего покойнаго брата, служившаго въ Кабардинскомъ полку и удостоившагося чести, во главѣ отдѣльной стрѣлковой команды, конвоировать Наслѣдника Престола, при отъѣздѣ Его изъ укрѣпленія Хасавъ-Юртъ, почти наканунѣ памятнаго военнаго эпизода, совершившагося 26-го октября. Наконецъ, состоя, въ 1850 году, мичманомъ на шкунѣ «Ласточка» (подъ командою флигель-адъютанта барона Фридерикса, дѣйствовавшей въ то время противъ горцевъ, форта Головинскаго, я самъ былъ лично свидѣтелемъ того общаго восторга, которымъ по всей Черноморской линіи одушевлены были кавказцы, вслѣдствіе извѣстія о посѣщеніи Кавказа Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Осенью 1850 года Цесаревичъ, по волѣ Своего Августѣйшаго родителя, предпринялъ путешествіе по Кавказу, для ознакомленія съ этимъ краемъ и его боевою жизнью. 6-го сентября, проѣздомъ черезъ Полтаву, Онъ вновь посѣтилъ воздвигнутый тогда монументъ на мѣстѣ отдохновенія Петра Великаго, послѣ Полтавской побѣды. Ровно черезъ 50 дней Августѣйшій путешественникъ перенесся изъ Малороссіи въ Малую Чечню, гдѣ Его ожидала памятная встрѣча съ врагомъ. Эти 50 дней были рядомъ длинныхъ, въ то время весьма утомительныхъ переѣздовъ. Изъ Полтавы Его Высочество, черезъ Николаевъ, прослѣдовалъ въ Севастополь и на южный берегъ Крыма, гдѣ изволилъ впервые обозрѣвать Оріанду, въ то время имѣніе Его Августѣйшей матери, Государыни Императрицы. 14-го сентября Его Высочество вступилъ на кавказскую почву въ Тамани. Отсюда, чрезъ Темрюкъ и Екатеринодаръ, по Кубанской дорогѣ, направился въ Кисло-

водскъ и Пятигорскъ и далѣе черезъ Большую Кабарду, во Владикавказъ, откуда прибылъ въ Тифлисъ 25-го сентября.

Въ свитѣ Его Высочества находились: полковникъ графъ А. В. Адлербергъ, графъ І. Н. Ламбертъ и князь Б. Д. Голицынъ; сверхъ того, при особѣ Цесаревича, въ бытность Его на Кавказѣ, состояли неотлучно начальникъ гражданскаго управленія, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, и князь Барятинскій командиръ кавказской резервной гренадерской бригады. Намѣстникомъ Кавказскаго края, княземъ М. С. Воронцовымъ, Его Высочество былъ встрѣченъ, 17-го сентября, въ Усть-Лабѣ, на Кубанской дорогѣ. Наконецъ, начальникъ главнаго штаба кавказскихь войскъ, генералъ-адъютантъ Коцебу, какъ большой знатокъ Кавказа, во все время путешествія Цесаревича по этому во всѣхъ отношеніяхъ интересному краю, находился тутъ же, чтобы своими объясненіями удовлетворять пытливой любознательности Царственнаго путешественника.

Въ Тифлисѣ Наслѣдника русскаго Престола ожидала торжественная встрѣча. Послѣ посѣщенія бывшей столицы Грузинскаго царства Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ 1837 году, это была вторая въ Тифлисѣ встрѣча Царственнаго гостя. Я не буду останавливаться на торжествахъ и празднествахъ, которыя имѣли мѣсто въ Тифлисѣ, въ теченіе пятидневнаго пребыванія тамъ Его Высочества, съ 25-го по 29-е сентября.

Изъ Тифлиса Цесаревичъ, продолжая объѣздъ края, направился въ Имеретію, посѣтилъ Кутаисъ, оттуда, черезъ Сурамъ, Ахалцыхъ, Ахалкалаки и Александрополь, прибылъ, 7-го октября, въ Эривань, гдѣ Его

Высочество принималъ посланника персидскаго шаха, присланнаго сюда для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ Августѣйшаго посѣтителя и для поднесенія Его Высочеству высшаго знака персидскаго ордена Льва и Солнца. Отъ Эривани путь Его Высочества направился черезъ Елисаветполь, Шемаху, Баку и Кубу, гдѣ Высокій путешественникъ вновь встрѣченъ былъ намѣстникомъ края, княземъ Воронцовымъ, въ сопровожденіи котораго Его Высочество, посѣтивъ Дербентъ, направился въ Дагестанъ, и 19-го октября прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда Ему лежалъ путь въ Чечню, черезъ Хасавъ-Юртъ и Воздвиженскую крѣпость къ укрѣпленію Ачхой.

О слѣдованіи Его Высочества черезъ эти послѣдніе пункты, въ сохранившихся у меня письмахъ брата, имѣются интересныя подробности, характеризующія вообще пребываніе Цесаревича на Кавказѣ. Въ укрѣпленіи Хасавъ-Юртъ находился штабъ Кабардинскаго полка, въ которомъ отдѣльною стрѣлковою командою командовалъ братъ мой, штабсъ-капитанъ Богдановичъ. Эту стрѣлковую команду создалъ князь Барятинскій, бывши еще командиромъ Кабардинскаго полка; на собственный счетъ онъ вооружилъ ее выписанными изъ Англіи двухствольными штуцерами и одѣлъ ее въ черкесскій костюмъ, причемъ всѣ стрѣлки носили длинныя бороды. Въ этомъ видѣ команда, выбиравшаяся изъ самыхъ удалыхъ храбрецовъ въ полку, проникала всюду, гдѣ скрывался непріятель, и составляла, по отзывамъ кавказцевъ, «грозу и красу Малой Чечни»; командиръ ея почтенъ былъ со стороны горцевъ прозвищемъ: «Богданъ-шайтанъ» (чортъ). Служа грозою для горцевъ, удальцы эти часто платились

жизнью. Три года спустя, братъ мой, въ чинѣ маіора, былъ убитъ среди своей храброй команды.

22-го октября, Цесаревичъ прибылъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хасавъ-Юртъ, гдѣ былъ встрѣченъ почетнымъ отъ Кабардинскаго полка карауломъ, который состоялъ весь изъ георгіевскихъ кавалеровъ, числомъ 180 человѣкъ. Такую вереницу героевъ могъ представить только Кабардинскій полкъ. Унтеръ-офицеръ Щепкинъ, съ тремя Георгіями на груди, весь израненый, бодро и молодецки держалъ знамя почетнаго караула. Картина эта произвела на Цесаревича необыкновенное впечатлѣніе... «Что касается насъ, стрѣлковъ,—писалъ мой братъ,—то нашъ храбрый Майдель (командиръ Кабардинскаго полка, послѣ князя Барятинскаго) долго трусилъ, не рѣшаясь представить меня и мою команду—съ бородами и въ черкесскомъ костюмѣ... Рѣшили, однако, сохранить бороды, но представить команду въ мундирахъ. Какова же была наша радость, когда Его Высочество, благосклонно выслушавъ представленныя Ему указанія относительно назначенія команды и относительно ея спеціальной экипировки, тотчасъ приказалъ намъ одѣть черкесскій костюмъ»!..

Вотъ еще интересный эпизодъ изъ пребыванія Высокаго путешественника въ Хасавъ-Юртѣ: Его Высочество обходилъ полковой лазаретъ; въ одной изъ палатъ, умирающій отъ ранъ солдатъ, при видѣ приближающагося къ его постели Цесаревича, сдѣлалъ безуспѣшную попытку подняться и, затѣмъ, устремивъ на Царственнаго гостя глаза, полные слезъ, закричалъ нѣсколько разъ «ура»! Докторъ заявилъ Великому Князю, что больному остается жить нѣсколько часовъ. Цесаревичъ, глубоко растроганный этою сценою, сказалъ больному нѣсколько утѣшительныхъ словъ и,

уходя, передалъ ему нѣсколько полуимперіаловъ. Къ вечеру, Его Высочество снова прислалъ больному, черезъ графа Адлерберга, нѣсколько золотыхъ монетъ.

23-го октября, на пути отъ Хасавъ-Юрта къ Воздвиженской крѣпости, съ соизволенія Цесаревича, сопровождала Его стрѣлковая команда; весело, съ пѣснями, слѣдовали за коляскою Его Высочества эти удальцы, молодцоватымъ видомъ и оригинальной экипировкой которыхъ любовался Великій Князь.

Находящіяся у меня письма пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ описаніи нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ подробностей памятнаго дня 26-го октября, во время слѣдованія Его Высочества изъ Воздвиженской крѣпости къ укрѣпленію Ачхой. Въ этотъ день отрядъ, конвоировавшій Цесаревича, шелъ въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ этотъ уголъ Малой Чечни, еще недавно покоренный, не представлялъ надлежащихъ условій безопасности. Его Высочество со свитой находился, по обыкновенію, въ авангардѣ, верхомъ на превосходной горской лошади, сѣрой въ яблокахъ, которую Цесаревичу принесъ въ даръ, еще недавно передъ тѣмъ, генералъ-лейтенантъ Шамхалъ, князь Тарковскій. Въ аріергардѣ слѣдовалъ главнокомандующій, князь Воронцовъ, больной и въ коляскѣ. Вдругъ, въ виду «Черныхъ Горъ», у опушки лѣса, за нашею лѣвою цѣпью, показалась партія непріятеля. Казаки бросились къ лѣсу, и Его Высочество, повинуясь только голосу Своей доблести, поскакалъ за ними. Имѣя подъ Собою лучшую лошадь, Великій Князь опередилъ лицъ Своей свиты. Минута была—въ высшей степени тревожная. Тогда князь Барятинскій, забывая подчиненность, обратился къ начальнику главнаго штаба, генералу Коцебу, со словами: «ваше превосходительство!

вамъ, какъ начальнику штаба, слѣдуетъ остановить Его Высочество», но въ это мгновеніе генералъ Коцебу уже сдѣлалъ распоряженіе послать атамана Круковскаго съ пятью сотнями казаковъ и баталіонъ Куринскаго полка, чтобы обойти непріятеля съ тыла. Когда свита и всѣ генералы отряда подскакали, встревоженные ружейными залпами и свистомъ пуль, то увидѣли, что непріятель уже скрылся, и передъ лошадью Цесаревича лежалъ трупъ изрубленнаго предводителя партіи, который, какъ оказалось, былъ оруженосецъ наиба Саибдулы. Извѣстный между кавказцами джигитъ, мирный чеченецъ Арцру, служившій въ отрядѣ переводчикомъ, первый подскакалъ къ убитому, схватилъ его ружье и, какъ трофей, поднесъ его Царственнному герою. Въ то время лѣвымъ флангомъ, за болѣзнію генерала Нестерова, временно командовалъ генералъ Козловскій. Имѣя, конечно, въ виду это обстоятельство, Арцру, подъ вліяніемъ минуты общаго воодушевленія, громко закричалъ, обращаясь къ окружающимъ и указывая на Наслѣдника Цесаревича: «господа! вотъ достойный командиръ для лѣваго фланга»!

Между тѣмъ, находившійся въ аріергардѣ намѣстникъ князь Воронцовъ, больной и встревоженный, бросился на коня; почти въ ту же минуту Цесаревичъ подскакалъ къ нему, бодрый и веселый. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, намѣстникъ сказалъ: «Ваше Высочество! Вы причинили старику страшную тревогу, но теперь я счастливъ, видя Васъ бодрымъ и невредимымъ!»... Волненіе престарѣлаго князя-намѣстника было понятно для всѣхъ окружающихъ: онъ былъ хозяиномъ края и чувствовалъ всю силу той нравственной передъ Отечествомъ отвѣтственности, которая па-

дала на него, въ виду опасностей пережитыхъ тяжелыхъ минутъ...

Шумно и весело отрядъ продолжалъ свое слѣдованіе до Ачхоя, куда прибыли уже къ вечеру. Здѣсь, на позднемъ обѣдѣ, соединившимъ вокругъ Его Высочества всѣхъ лицъ свиты и штаба, князь Михаилъ Семеновичъ, провозглашая тостъ за Августѣйшаго героя, высказалъ простыя, но столь глубоко прочувствованныя слова, что рѣчь его, по воспоминаніямъ многихъ очевидцевъ, заставила плакать всѣхъ находившихся на лицо кавказцевъ.

Слѣдующій день посвященъ былъ осмотру укрѣпленій Ачхоя, сооруженіе которыхъ, за три года передъ тѣмъ, произведено было моимъ роднымъ дядей, полковникомъ Альбрандомъ, пользовавшимся на Кавказѣ большою извѣстностью еще со времени произведеннаго имъ, въ 1839 году, вывода изъ Персіи цѣлаго баталіона русскихъ дезертировъ. За сооруженіе, среди непріятельскихъ дѣйствій, укрѣпленій въ Ачхоѣ, Альбрандъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры (9-го февраля 1847 года).

Въ Ачхоѣ окончилась собственно военная прогулка Его Высочества по Кавказу. Выѣхавъ 27-го октября, Наслѣдникъ Цесаревичъ прослѣдовалъ черезъ Владикавказъ на Ставрополь и далѣе по направленію къ Петербургу, гдѣ, 26-го ноября, т. е. ровно 25 лѣтъ назадъ, Его Высочество, увѣнчанный, согласно представленію главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ, Георгіевскимъ крестомъ, въ первый разъ былъ Хозяиномъ на праздникѣ Георгіевскихъ кавалеровъ.

Полковникъ **Е. Богдановичъ**.

БЕЗПЛАТНОЕ НАРОДНОЕ ИЗДАНІЕ

Е. В. Богдановича